УДК 391 (512.31)+930.85

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-105-111

Галина Виссарионовна Махачкеева,*Восточно-Сибирский государственный институт культуры**(г. Улан-Удэ, Россия),**e-mail: ecoprint@inbox.ru*

Печь в материальной культуре аларских бурят

В статье представлено исследование такого ранее не изученного элемента материальной культуры, как печь в быту аларских бурят, относящихся к группе предбайкальских, или так называемых западных. Подробно рассмотрены уникальные разновидности печи, уличные общие хлебопекарни и вмазанные в печь котлы, которые существуют и сегодня. Автор связывает их бытование с особенностями природно-климатических условий, определивших хозяйственную деятельность и связанную с этим необходимость раннего перехода от кочевого к оседлому образу жизни. Эти факторы в целом и определили специфические особенности материальной культуры аларских бурят, включая систему питания. В ходе исследования привлечён сопоставительный материал о сибирских тюркских народах. В результате обнаружено сходство данных печных сооружений с татарскими, выявлены их отличительные признаки, проведены аналогии с материальной культурой других тюркских народностей. Проанализирована устойчивость этнических традиций, содержащих в себе элементы тюркского происхождения, что объясняется присутствием древних тюрков в Прибайкалье. Особо подчёркивается значимость в ритуальной деятельности печи и печного инвентаря как сакральных элементов жилища, что соотносится с ценностями духовной культуры. Обращается внимание и на большой вклад русской материальной культуры, коренным образом повлиявшей на улучшение условий быта. В качестве убедительных аргументов приведены русские языковые заимствования, выявлено сходство с тюркскими терминами, зафиксированы неизвестные диалектные слова. На основе приведённых материалов сделан вывод об автохтонности материальной культуры аларских бурят.

Ключевые слова: предбайкальские (западные) буряты, аларские буряты, печные сооружения, этнические традиции, материальная культура, тюркская культура

Galina V. Makhachkeeva,*East-Siberian State Institute of Culture,**(Ulan-Ude, Russia),**e-mail: ecoprint@inbox.ru*

The Stove in the Material Culture of the Alar Buryats

In the article, an effort is made to study such an element of material culture as a stove in the life of the Alar Buryats, people of the Baikal region, so-called western buryats – the topic that has not been previously researched. Its unique varieties as well as street public bakeries and built-in boilers that still can be seen today are considered in detail. The author believes that their widespread occurrence was determined by the peculiarities of natural and climatic conditions that influenced economic activity and, in this respect, the need for an early transition from nomadism to sedentarization. These factors in general have determined specific features of the material culture of Buryats of this ethnic group, including the food system. As part of the study, comparative material on the Siberian Turkic peoples is used, therefore, the similarity of these stoves with the Tatar ones is revealed, their distinctive features are identified, and analogies with the material culture of other Turkic peoples are made. Besides, the stability of ethnic traditions containing elements of Turkic origin is analyzed, which was due to the presence of ancient Turks in the Baikal region. The author emphasizes the importance of the stove and stove equipment in ritual activities as a sacral center of the dwelling, which correlates with the values of spiritual culture. A great contribution of Russian material culture is also highlighted, which has had a fundamental influence on the improvement of living conditions. As convincing arguments, the author adduces linguistic borrowings from the Russian language and brings similarities with Turkic terms and documents words unknown to dialectologists and linguists specializing in Mongolian until now. On the basis of these materials, it is concluded that the material culture of the Buryats in this area is autochthonous.

Keywords: pre-Baikal (Western) Buryats, Alar Buryats, furnace facilities, ethnic traditions, material culture, Turkic culture

Введение. Как известно, основой существования монголоязычных народов являлось кочевое скотоводство, но у некоторых этнических групп в период их формирования,

в условиях адаптации к географической среде, возникали другие источники существования. Так, у предбайкальских бурят появилось земледелие, которое, в частности у аларских,

© Махачкеева Г. В., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

стало основным типом хозяйствования. Этот фактор оказал определённое влияние на все стороны жизни этноса, в первую очередь материальную и духовную культуру. В них отражались все преобразования, происходящие в обществе, представляя ценнейший источник сведений, которые в разное время рассматривали исследователи. Подробно были изучены особенности хозяйствования, жилищ, одежды, промыслов. Однако следует признать, что незаслуженно мало внимания этнографами уделено такому важнейшему элементу материальной культуры западных бурят, каким является печь.

Методология и методы исследования.

В ходе работы над статьёй были проведены экспедиции в Аларский район Иркутской области, во время которых были описаны печные сооружения. Также был привлечён сопоставительный материал из историко-этнографических исследований о сибирских тюркских народах, позволивший выявить сходство.

Результаты исследования и их обсуждение.

Уличные хлебопекарни. Уличные хлебопекарные печи общего пользования отмечал А. П. Щапов в 1875 году у балаганских бурят (к которым относились и аларские): «в одном круге единокровно-родственных юрт всё общее: и скот, и пашни, и утugi, и продовольствие, но и во всей одноулусной группе юрт дальних сородичей ещё мало своего, собственного, – ещё много общего – общие и хлебопекарни, а иногда даже амбары, особенно в небольших улусах, состоящих юрт из 9, 10, 15, общие и кузницы, общие и пастухи улусные» [15, с. 199]. Небольшой фрагмент об этих же печах у аларских бурят есть у Ж. А. Зимина: «В усадебном комплексе имела глинобитная печь без трубы на высоком окладе – постаменте для выпечки хлеба под односкатной крышей из дранья, обычно огороженная. Она принадлежала либо одному хозяину, либо всему курену, т. е. хозяевам, живущим в данной общей ограде» [5, с. 81]. Небольшого объёма описания разных видов печей в жилище западных бурят имеются лишь у К. Д. Басаевой и И. М. Манжигеева [6, с. 71; 8, с. 66]. На этом сведения о главных элементах быта коренных насельников края ограничиваются, хотя, вне сомнения, они заслуживают особого внимания, в связи с этим в данном исследовании мы постараемся восполнить этот пробел.

Как выше отмечалось, хлебопекарни были общими, предназначались для всего

рода, позже, после укрупнения сёл, в советское время ими пользовался весь околотов. Такая хлебопечь находилась на улице, на видном месте, никак не на задворках, на помосте под навесом, устьем на юг или восток. Изначально печь была глинобитной и называлась *шабар соол* (глиняная печь). Согласно «Бурятско-русскому словарю» Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова слово *соол* у аларцев употребляется в значении «1) печь; 2) дом, изба»; тогда как у боханских, нижнеудинских бурят – в значении «печь, печка», у тункинских бурят – в значении «изба, дом»¹. В литературном же бурятском языке это слово отсутствует, данный термин широко распространён в сибирских тюркских языках, например, у качинцев, сагайцев, шорцев, башкир, западно-сибирских татар именно в этих значениях. По мнению профессора В. И. Рассадина, «тюрки, пришедшие в Сибирь, восприняли, видимо, это слово у сибирских аборигенов (уров, кетов, самодийцев) вместе с типом печи и адаптировали его. К бурятам данная лексема могла попасть из тюркского языка типа хакасского» [4, с. 10]. Аналогичные печи отмечены в литературных источниках, например, в коллективной монографии «Тюркские народы Сибири»: у сибирских татар «для выпечки хлеба применялись узкие печи летнего типа, устанавливаемые на специальных помостах во дворах» [13, с. 65]. Анализ данного обобщающего исследования показывает, что уличные хлебопекарные печи были только у сибирских татар, у которых земледелие носило основной, а не подсобный характер. То же самое мы видим в Предбайкалье, известном своими древними зерновыми традициями. Следовательно, данные факты свидетельствуют о том, что земледелие, а именно зерновое производство, явилось основополагающим фактором возникновения хлебопекарен.

Выпечка хлеба в уличных печах у аларских бурят производилась круглый год, и зимой, и летом. С пода печи (нижняя поверхность – *оёор*) горячие угли сгребали в сторону дверцы (*амһар*) кочергой (*шэлээбэр*), тщательно выметали золу метлой из еловых или сосновых лап (*шэлбуур*, *эльбуур*) и закрывали трубу (*урхэ*). Оптимальную температуру для выпекания определяли по цвету муки (*талхан*), брошенной на под. Опытные хозяйки готовность узнавали, просовывая руку в печь. Зимой хлеб пекли, не прикасаясь к тесту руками: его выкладывали широкой деревянной лопаткой в обсыпанную мукой деревян-

¹ Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. – С. 181.

ную миску (*модон аяга*). Затем несколько раз встряхивали её, чтобы тесто сбилося и приобрело форму, и опрокидывали на деревянную лопату (*модон хурзэ*), которую быстро отправляли в печь. В итоге получали большие караваи (*хубэрэ*), отличающиеся необыкновенным вкусом. Подовый хлеб очень популярен и сегодня, вероятно, поэтому уличные печи сохранились до наших дней.

Печи в жилищах. В жилищах же у северо-восточной стены (реже у северо-западной), недалеко от двери, ставилась небольшая глинобитная печь с топкой и варочной плитой, которая «устанавливалась на невысокой деревянной раме, заполненной утрамбованной глиной, с дымоходом (*урхэ*) через потолок и крышу. Она гладко обмазывалась жидкой глиной. Но уже в конце XIX в. в жилищных семьях становится обычной побелка печей, наличников и ставен» [6, с. 71, 73]. Такие малые печи были заимствованы у русских переселенцев, о чём свидетельствует название *мангад соол* (русская печь), затем постепенно заменённое заимствованным словом «печь» (*пешэ*). В этих небольших варочных печах пекли на противнях булочки, шаньги и калачи. Топилась такая печь один раз в сутки, а для дополнительного обогрева больших домов пользовались маленькой железной печкой (у аларцев – *тумэр пешэ*, *сан пешэ*; у осинских бурят – *тумэр сося*), труба которой вставлялась в стационарную печь повыше выюшки, ею закрывался дымоход [8, с. 66]. Эту печку топили по мере надобности в любое время суток. С наступлением тепла их выносили в амбар, завозню или сарай [6, с. 71]. Позже они вышли из употребления, так как, по нашему мнению, со временем был выработан оптимальный режим отапливания жилища – два раза в сутки (рано утром и вечером), который сохраняется и в наше время.

Встроенные котлы. Большие же русские печи с горнилом бытовали, но большого распространения не получили, на наш взгляд, по двум причинам: во-первых, для выпечки хлеба уже имелись уличные хлебопекарни. Во-вторых, в каждой избе имелся котёл (*малхаан*), встроенный в печь сбоку, со стороны стены, на деревянном шестке высотой 60–65 см. В данном случае оба дымохода выводились в одну трубу. *Малхаан* имел автономную топку, для него готовились отдельно мелкие дровишки. Котлы были разными по объёму, в зависимости от чего иногда конструкция печи видоизменялась. Также иногда маленькие котлы встраивались и в большую русскую печь с горнилом. Печь с котлом-мал-

хааном отделяли деревянной переборкой (*таһалгаа*) или высоким шкафом, реже занавеской (*хушэгэ*), образуя маленькую комнату (*хаяа*), где находились кухонная утварь, шкаф, полка (*таг*) с посудой, часто угловая, стол для готовки. В современном понимании *хаяа* – это кухня. Имелись встроенные котлы и в банях (*хара баня*, т. е. черная баня), которые, как и хлебопекарни, были общими для рода.

Стоит отметить, что такие же стационарно установленные котлы, иногда без печи, бытовали и в других районах Предбайкалья, например, по свидетельству информанта С. Б. Болхосоева, у кудинских бурят они назывались *тогоотэй бээжэ*, а у баяндаевских – *тогоотэй пешэн*. У окинских бурят, предки которых являются тюркоязычными оленеводами, такая печь носила название *яндан* [11, с. 65]. Любопытное сообщение о таких котлах у осинских бурят имеется у И. М. Манжигеева, который писал в 1960 году: «Есть в бурятской избе печь "татарка", в которую сверху вделана чугунная чаша для варки пищи. Почему эта печка называется "татаркой", не удалось выяснить» [8, с. 66]. Скорее всего, вмазанные котлы были привнесены в быт осинских бурят татарскими переселенцами на более позднем этапе развития, так как известно, что буряты правобережья из-за природно-климатических условий значительно позже, чем левобережные, перешли к оседлости. К тому же этот район характеризуется удалённостью от больших дорог.

В ходе исследования выявлено, что встроенные котлы действительно имеют сходство с тюркскими, на том основании, что, например, у всех групп сибирских татар «печи часто комбинировались с глинобитной топкой, в которую вмазывался котёл» [13, с. 65]. Типы же печей в целом у западных бурят, включая уличную, вероятно, имеют прямую связь с материальной культурой тюрков, которые, как известно, в древности населяли Прибайкалье. Далее анализ выявил общие специфические особенности бурятских и татарских стационарно установленных котлов: деревянное основание, сооружение встраивается сбоку печи, со стороны глухой стены дома, закрывается обычно деревянной крышкой, имеет отдельную топку. Татарские печи обмазывались глиной, скреплённой не известью, а конским навозом [9, с. 79]. Такой смесью пользовались и аларские буряты для обмазывания не только котлов, но и утепления жилищ, строений для скота. Печи с котлами были и в банях у богатых татар [2, с. 262].

Имелись они и у хакасов [1, с. 74]. Единственное отличие в том, что татарские печи иногда имели не один, а два вмазанных котла, один – для приготовления пищи, а второй – для нагрева воды.

В целом же сохранение таких котлов у бурят, также как и у татар, было обусловлено самой спецификой национальной кухни в прошлом кочевых народов: в них варили супы, мясо, чай, жарили лепёшки. Надо отметить, что и в зерновой системе питания аларских бурят, известных своими земледельческими традициями, выявлено много схожего с традиционной тюркской, в частности, способы обработки продуктов, их приготовления, терминология, что заслуживает отдельного исследования. Очень удобны были котлы для варки мяса целыми кусками (*бухэлёор*) в день забоя скота, что происходило достаточно часто; на свеженину в таких случаях у аларских бурят принято было приглашать всех соседей и родственников. Такой обычай бытовал и у хакасов [6, с. 151].

Стационарно установленные котлы у аларцев сохранились и в наши дни, но уже вынесенные в подсобные кухонные помещения, летние жилища, под навесы во дворах, на открытый воздух. Часто в них готовят корм для скота, летом, начиная с августа, детям вменяется в обязанность собирать и варить молодой картофель. Вместо встроенных котлов иногда можно увидеть и печурки с прямым дымоходом, на которых готовят в летнюю жару. В конструктивном же плане они очень похожи на летние печки на открытом воздухе, без котлов и с вмазанными котлами, широко распространённые у башкир, казахов и других тюркских народов и в наши дни, и, по мнению учёных, «данная традиция восходит к кочевой культуре раннесредневековых тюркских племён Евразии, к их кочевому образу жизни и быту, в котором котёл был незаменимым предметом повседневного обихода» [12, с. 29].

Переносные котлы. Кроме того, стойкому сохранению любых котлов, стационарно установленных, переносных у предбайкальских бурят способствовали как этнические традиции, так и природные условия. Если вмазанные в печь котлы в жилищах кочевников приспособили к оседлому образу жизни, то использование переносных было вызвано удобством, возможностью в любом месте установить и приготовить пищу. Например, котлы были непременным атрибутом на молебнах (*тайлаганах*), на праздниках, на таких выездных работах, как заготовка дров.

Кроме того, с наступлением тепла их устанавливали во дворах, в безветренных местах. У аларцев, например, в ход шли и старые, продырявившиеся котлы, которые латали, отбивали верхние края (видимо, для лёгкости) и пекли в них блины. Под котлом разжигали огонь и лили на раскалённые стенки жидкое тесто, которое стекало вниз, приобретая треугольную форму. Такие котлы (*алаадын тогоон*) хозяйки ценят и сегодня, так как появившиеся современные котлы специально для блинов не выдерживают конкуренции, поскольку стенки у них пологие и блины получаются бесформенные.

Итак, наличие у аларских бурят указанных элементов материальной культуры ещё раз подтверждает известный факт о тесной взаимосвязи с древними тюркскими племенами, об удивительной способности данных этносов адаптироваться к географической среде, создавая при этом специфические модели материальной культуры.

Печь – сакральный центр жилища.

Как известно, у бурят издревле существует культ огня, один из главных культов, включающий разные ритуалы, в том числе освящение домашнего очага. Это почитание у аларцев проецируется и на печь – сакральный центр дома: принято время от времени её чистить и кормить, обязательно угощать первинками саламата и свежего мяса, нельзя бросать мусор, заливать огонь водой. Бытует легенда о разговоре двух духов огня, в котором один из них жалуется на плохое обращение с ним хозяев и сообщает, что собирается им отомстить, спалив дом. Известны случаи мести огня, когда не знающие традиций хозяйки, часто бросающие в огонь мусор, постоянно обжигаются. В таких случаях, увидев следы мелких ожогов на руках, сразу спрашивают: «Не бросаешь ли ты мусор в огонь?» Обращаются аккуратно и с выпавшим угольком: согласно примете его надлежит бережно подобрать и вернуть в печь, так как он считается предвестником прихода людей, в частности, родственников и гостей. Нельзя ворошить угли острыми предметами, так как есть специальный инвентарь, печные щипцы (*зали*; отметим, что данный термин относится к тюркизмам) и кочерга (*шэлээбэр*) [16, с. 71]. По поверью аларских бурят, кочерга обладает охранной силой. При переезде в новое жилище хозяева обязательно забирают с собой этот считающийся магическим предмет. По этой же причине кочергу клали на ночь под порог (*хундэлэн*), чтобы оградить жилище от нечисти. Также и золе приписываются

защитные свойства, поэтому, когда грудного ребёнка впервые привозят в дом (любой), его ставят на лбу отметину. Смысл этого действия – защита от любого негатива в этом доме, часть апотропейной магии. Замечено, что при несоблюдении этой традиции ребёнок подвержен сглазу, с трудом адаптируется в новом пространстве, плаксив и часто болеет. Такой ритуал проводят и якуты [7, с. 223].

По шорским и тувинским преданиям пепел и сажа служат магическими средствами защиты от злых сил [3, с. 21]. Представляют интерес и другие, связанные с печью ритуальные действия в обрядах жизненного цикла. Например, когда умирает человек, сразу открывают трубу, чтобы душа покойника свободно, без препятствий, летала. Считается, что через трубу осуществляется связь с внешним миром, в том числе и с потусторонним. Затем у изголовья покойника ставят столик с подношениями (*толгойнси*), на котором обязательно находится жёсть с горячими углями (*хан*), которые постоянно обновляют в течение трёх дней.

«В традиции монголов принято выбрасывать золу из домашнего очага в юго-восточном направлении от юрты, поскольку зола считается «мёртвой» – *ухсэн*, а юго-восточная сторона – «плохой» [10, с. 307]. Иные традиции отмечены в Аларской долине, где в силу природных особенностей всегда пользовались только берёзовыми дровами. Золу особенно ценили: применяли в качестве удобрения, заваривали кипятком и отстоявшейся зольной водой стирали бельё, мыли волосы, использовали для чистки посуды, делали мази и припарки.

Также у аларцев всегда особо ценилось умение топить печи так, чтобы надолго сохранить жар: красные угли собирали у стенки топки и старались полностью засыпать эту горку толстым слоем золы (*буласа*). Затем постепенно закрывали задвижку дымохода и, выждав момент, когда последние пылающие угольки подёрнутся пеплом, окончательно её задвигали. К следующей топке оставалось только аккуратно отодвинуть золу в противоположную сторону, разворошить ещё не потухшие угли, положить дрова и вздуть, обходясь в таком случае ещё и без спичек. Про тех, кто по незнанию или по лени не обладал таким умением, говорили, что «он топит небо» (*тэнгэр тулихэ*). Вероятно, такие навыки сохраняются с тех давних пор, когда огонь берегли, и поддержание его было вынужденной необходимостью. Об этом свидетельствует поверье, записанное

этнографом М. Н. Хангаловым у унгинских бурят в начале XX века: «Поздно вечером постороннему человеку давать огонь на вынос из дома считалось большим грехом (*сээр*)» [14, с. 38]. В наши же дни такое умение считается способностью рачительно хозяйствовать.

При приближении грозы закрывают трубу, чтобы гром не ударил в жилище, и не залетела молния. При любых начинаниях, торжествах, тревогах и волнениях, даже если увидели плохой сон или было плохое предзнаменование, обращаются к хозяину очага с молоком или водкой (*галда дуухаха*). При этом обязательно надевают головной убор.

Итак, всё это говорит о том, что печи в доме, как очагу, отводится особая символическая роль – она воспринимается как защитница, как помощница и предвестница. И приход человека в новую жизнь, и уход в другую реальность, и его повседневная жизнь в этом промежутке связаны с сакральным центром дома. Как видим, в сознании аларских бурят понятия «печь», «огонь» и «очаг» тождественны.

Из вышеописанных материалов видно, что лексика, связанная с печами, у предбайкальских бурят своя, исконная, с некоторыми тюркскими вкраплениями. Кроме того, выявлены слова, не зафиксированные в бурятском литературном языке. Например, у аларцев отмечен термин *даамарла*, означающий достаточно редкое явление, связанное с печью, сложенной с прямым дымоходом (обычно в летних строениях). При интенсивной топке такой печи в месте соединения дымохода с потолочной частью помещения может возникнуть задымление с последующим воспламенением, которое и называется этим редко употребляемым словом.

Выводы. Таким образом, уникальные в своём роде печные сооружения напрямую связаны с продиктованными самой природой условиями, которые определили тип хозяйствования и связанный с ним уклад жизни аларских бурят. В результате сформировалась самобытная материальная культура, в которой печные сооружения являются одними из основных носителей этнической специфики, удачно сочетая элементы кочевой и оседлой культур, что нужно рассматривать как высшую степень адаптации при умелом сохранении традиций. Ещё раз подтверждается вывод о том, что материальная культура бурят Предбайкалья часто опирается на автохтонные этнические традиции, свидетельствующие о наличии в генетическом субстра-

те тюркского ядра. Банк таких данных, по нашему мнению, можно пополнить и сходством бурятских конструкций печных сооружений, инвентаря, терминологии и элементов духовной культуры с тюркской. При этом печь, как главный элемент быта, символизируется и как ценность духовной культуры. Приведённые примеры говорят о том, что печи, как очагу, в народных верованиях отводится одно из главных мест: с ней связывается благополучие семьи.

На более позднем этапе материальная культура бурят Предбайкалья формировалась под значительным влиянием русской культуры, что, несомненно, способствовало созданию более комфортных бытовых условий. Также надо признать, что локальные различия в материальной культуре западных бурят связаны в том числе и с особенностями географической среды, которые обусловили необходимость перехода на оседлость в разные временные периоды.

Список литературы

1. Бутанаев В. Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан: Журналист, 2014. 316 с.
2. Воробьев В. И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань: Изд. Дома татарской культуры и Академического Центра ТНKP, 1930. 464 с.
3. Дашибалов Б. Б. Байкальская Сибирь в средние века. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. 66 с.
4. Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск: Полиграфический участок УД СО АН СССР, 1986. 156 с.
5. Зимин Ж. А. Аларь: история и современность. Кн. 1. Аларь – родная колыбель. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2004. 203 с.
6. Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.
7. Круговые танцы: Природа – Человек – Космос / отв. ред. А. Г. Лукина. Якутск: Офсет, 2014. 268 с.
8. Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 232 с.
9. Прищепа Е. В. Жилища населения Хакасско-Минусинского края в традиционной системе жизнеобеспечения в XVIII–XX вв. Абакан: Бригантина, 2018. 180 с.
10. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 364 с.
11. Проблемы бурятской диалектологии: сб. науч. ст. / отв. ред. В. И. Рассадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 190 с.
12. Сулейманова Д. Н. Интерьер татарского дома: истоки и развитие. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 136 с.
13. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. 677 с. (Сер. Народы и культуры).
14. Хангалов М. Н. Поверья и приметы // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 311 с.
15. Шапов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. 379 с.
16. Этнические и историко-культурные связи монгольских народов: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. М. Михайлов. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. 147 с.

Список информантов

17. Болхосоев С. В., информант, 1971, Иркутская область, Баяндаевский район, с. Гаханы.

Статья поступила в редакцию 14.04.2019; принята к публикации 10.05.2019

Сведения об авторе

Галина Виссарионовна Махачкеева, аспирант, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; 670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1; e-mail: ecoprint@inbox.ru; ORCID:0000-0002-7558-9302.

Библиографическое описание статьи

Махачкеева Г. В. Печь в материальной культуре аларских бурят // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 3. С. 105–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-105-111.

References

1. Butanaev, V. Ya. Everyday Life and Special Occasions of Khongorai Turks. Abakan: Zhurnalist, 2014. (In Rus.)
2. Vorobyev, V. I. The Material Culture of Kazan Tatars (an effort of ethnographical research). Kazan: Izd. Doma Tatarskoy Kultury I Akademicheskogo Tsentra TNKP, 1930. (In Rus.)

3. Dashibalov, B. B. Siberia of the Baikal Region in the Middle Ages. Ulan-Ude: Izd. BGU, 1997. (In Rus.)
4. Dialectology and Geographical Linguistics of Turkic Languages of Siberia. In Cheremisina, M. I., editor. Novosibirsk: Poligrafichesky Uchastok UD SO AN SSSR, 1986: 10–22. (In Rus.)
5. Zimin, Zh. A. Alar: the Past and the Present. Vol. 1. Alar the Home Cradle. Ulan-Ude: Izd.-Poligrafichesky complex of VSGAKI, 2004. (In Rus.)
6. Excerpts on the History of Economy and Material Culture of Turkic-Mongolian Nations. In Zoriktuev, B. R., editor. Novosibirsk: Nauka, 1993: 52–89. (In Rus.)
7. Circle Dances: Nature – Human – Space: a collective monograph. In Lukina, A. G., editor. Yakutsk: Ofset, 2014: 221–225. (In Rus.)
8. Manzhigeev, I. M. The Buryat Tribe of Yanguts. Ulan-Ude: Buryaskoe Knizhnoye Izd., 1960. (In Rus.)
9. Prischepa, E. V. Lodgings of the Inhabitants of Khakass-Minusinsk Region in the Traditional Lide-Support System in 17th-20th centuries. Abakan: Brigantina, 2018. (In Rus.)
10. Sodnompilova, M. M. The World in the Traditional Belief System and Practical Activities of Mongolian Nations. Ulan-Ude: BNC SO RAN, 2009. (In Rus.)
11. Problems of Buryat Dialectology. In Rassadina, V. I., editor. Ulan-Ude: BNC SO RAN, 1996: 58–100. (In Rus.)
12. Suleimanova, D. N. The Interior of the Tatar House: the Origins and Evolution. Kazan: Tatarskoye Knizhnoye Izd., 2010. (In Rus.)
13. Turkic Nations of Siberia. In Funk, D. A., Tomilov, N. A., editors. Series “Nations and cultures.” M: Nauka, 2006: 26–124. (In Rus.)
14. Khangalov, M. N. Collected Edition. YIT.1. Ulan-Ude: Respublikanskaya Typographia, 2004. (In Rus.)
15. Schapov, A. P. Collected Edition. Supplementary volume. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye oblastnoye izd., 1937. (In Rus.)
16. Ethnic and Historical-Cultural Connections of Mongolian Nations. In Mikhailov, T. M., editor. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR, 1983: 70–89. (In Rus.)

Informants list

17. Bolkhosoev, S. V., an informant, 1971, Irkutsk region, Baendaevskiy district, Gakhany village.

Received: 14 April 2019; accepted for publication May 10, 2019

Information about the author

Galina V. Makhachkeeva, Postgraduate Student, East-Siberian State Institute of Culture; 1 Tereshkovoy st., Ulan-Ude, 670031, Russia; e-mail: ecoprint@inbox.ru; ORCID:0000-0002-7558-9302.

Reference to the article

Makhachkeeva G. V. The Stove in the Material Culture of the Alar Buryats // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 3. PP. 105–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-105-111.